

Владимир Шайдуров

Сибирская колония в первой половине века: особенности формирования и развития

Przegląd Wschodnioeuropejski 5/2, 29-40

2014

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

ВЛАДИМИР ШАЙДУРОВ

Национальный минерально-сырьевой университет «Горный» (Санкт-Петербург)

СИБИРСКАЯ ПОЛОНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ

Siberian Polonia in the first half of the 19th century: features of formation and development

KEYWORDS: the Polish community, Western Siberia, population, economy, farming activities

ABSTRACT: The Russian and Polish historical sciences focus closely on studying the ways that the Polish diaspora emerged and evolved outside its traditional places of residence. Polish communities actively formed as the government had implemented its punitive policies since the late 13th century. One of the areas settled by many natives of Poland was Siberia. While historiography traditionally devotes much attention to the study of the Polish community in the second half of the 19th century, there are few works dealing with the community's early beginnings in various Siberian provinces. As a result the article basing on a variety of archival data has achieved the goal of defining essential features found in the Siberia Polish diaspora in the pre-reform period before the 1850s 'Great Reforms'.

В отечественной исторической науке на протяжении длительного времени отмечается устойчивый интерес к формированию полиэтничного сибирского социума. История формирования и экономическая, социаль-нополитическая деятельность отдельных национальных общин рассматривалась в работах историков различных направлений. Однако полного отражения в научной литературе общины Сибири до сих пор не получили.

В нашей статье мы определим основные этапы формирования колонии Западной Сибири, выделим их специфику, проанализируем эволюцию хозяйственной деятельности ее представителей в первой половине XIX в.

Первые поляки появились в сибирских городах в XVII в. Преимущественно это были военнопленные эпохи русско-польских войн. Исследователи отмечают наличие приказной переписки, касавшейся вопроса о пленных поляках, литовцах, «немецких людях», черкасах и евреях (Фельдман 2005, 21). Одним из первых поляков, оказавшихся в Сибири,

стал Никифор Черниговский, упоминаемый в сибирских летописях (Максимов 1900, 326). Его имя связано в источниках с освоением Амура.

По условиям Деулинского перемирия 1619 г. и Андрусовского мира 1667 г. (Московские трактаты 1667 и 1672 гг.) между Россией и Речью Посполитой производился обмен военнопленными и возвращение поляков на Родину (Договор о перемирии ...). Это привело к тому, что полония в Сибири появившись ненадолго, к началу следующего столетия практически исчезла. Этому способствовала и политика, проводимая русскими властями в отношении польских и литовских пленных, оказавшихся в Сибири: вместе с московскими стрельцами они поступали в казачество и в этом сословии, по словам С.В. Максимова, «исчезали бесследно» (Максимов 1900, 327).

Правда, некоторые из них оставили свой след в сибирской истории XVII в. Например, Юрий Крыжановский был в 1677 г. ясачным сборщиком у тунгусов. Его незаконные действия настолько взбудоражили местное население, что они осадили Охотск. Последовавшее за этим событием следствие вскрыло многочисленные злоупотребления Крыжановского, после наказания кнутом он был сослан в даурские остроги (Там же).

В конце XVIII – середине XIX в. рост численности поляков в регионе был связан, в первую очередь, с ссылкой участников освободительного движения. Этот период может быть разделен на несколько этапов.

Первый этап пришелся на середину 90-х гг. XVIII в.: именно в это время часть польских конфедератов была сослана в Сибирь и оказалась в Нерчинских заводах. Так, например, декабрист Н. И. Лорер в своих воспоминаниях писал о генерале С. Р. Лепарском, который в 1791 г. будучи поручиком сопровождал польских арестантов. Он так хорошо исполнил это поручение, что имя его с того времени сделалось известным по всей армии (Лорер 1988, 406–407).

Уже в первый месяц царствования Павла I была начата амнистия, означенная именным указом от 29 ноября 1796 г., согласно которому предписывалось освободить всех попавших под «наказание, заточение и ссылку по случаю бывших в Польше замешательств» (Об освобождении подпавших под наказание, заточение и ссылку, по случаю бывших в Польше замешательств). Ответственность за исполнение монаршей воли была возложена на Сенат, который, в свою очередь, должен был сделать соответствующие распоряжения губернаторам и земским начальникам. Однако, как показала практика, не все бывшие конфедераты получили возможность вернуться на прежнее место жительства или покинуть Россию. Иногда требовалось вмешательство из Петербурга. Так, например, по распоряжению генерал-прокурора Сената А.Б. Куракина в 1797 г. из сибирской ссылки были освобождены некоторые участники восстания

1794 г. Правда, некоторых из них, в том числе Иосифа Терясевича, тобольские власти разыскивали по всей губернии (Дело по распоряжению генерал-прокурора князя Алексея Борисовича Куракина ...).

В период правления Александра I поляки продолжают ссылаться в Сибирь. Правда, этот этап в формировании полонии имел свою особенность, которая заключалась в том, что большинство сосланных уроженцев Царства Польского принадлежало к числу «обыкновенных преступников, осужденных за уголовные преступления» (Максимов 1900, 340).

На 1830-е гг. пришелся новый приток поляков в Сибирь. Как и прежде, он был связан с насильственным переселением, но теперь уже участников Польской войны 1830–1831 гг. и членов различных тайных обществ, действовавших на территории Царства Польского после его подавления, например, «Содружества польского народа» (Шостакович 2009, 304).

Именно в это время формируется законодательная база для политической ссылки. Так, появился ряд документов, определявших дальнейшую судьбу участников восстания 1830–1831 гг. Важнейшими из них были постановление «Об окончательном уничтожении состава бывшей польской армии» от 14 февраля 1832 г., указ «О бунте, происшедшем в трех уездах Виленской губернии, и о суждении всех дворян или шляхты, принявших участие в сем бунте, военным судом по Полевому Уголовному Уложению» от 22 марта 1831 г., «Положение о пленных и добровольно переходящих польских чинах» от 31 мая 1831 г. Кроме того, на поляков, подвергшихся наказаниям за участие в Ноябрьском восстании и национально-освободительном движении 1840–1850-х гг., распространялись правила 1826 гг., которые были переработаны и дополнены в декабре 1834 г. Означенные документы определили дальнейшую судьбу поляков-военнопленных: их надлежало отправить в военную службу в Сибирские линейные батальоны, а мальчиков определить в военные кантонисты (О бунте, произошедшем в трех уездах Виленской губернии и о суждении всех дворян или шляхты, принявших участие в сем бунте, военным судом по Полевому Уголовному Уложению).

На время плена и следования к месту службы военнопленные обеспечивались казенным денежным и продовольственным обеспечением, размер которого зависел от воинского звания до событий 1830 г. Вполне очевидно, что такое решение преследовало исключительно прагматическую цель – поставить в удаленные сибирские и кавказские гарнизоны солдат, физически способных нести тяжелую службу в суровых климатических условиях (Самович 2011, 163). В 1839 г. денежное довольствие ссыльных на этапе составляло 6 грошей в день. В условиях сибирской дешевизны на продукты питания это позволяло не голодать. Так, этапу

конаршиков 1839 г. в количестве 8 чел. получаемых денег хватало на то, чтобы каждый получал «с утра кружку молока с булкой, на обед – борщ или суп с крупой и с мясом, приготовленный в таком количестве, что хватало и на ужин» (Ручинский 2009, 337).

В этот период гражданско-правовой статус каторжан и поселенцев из числа поляков определялся «Уставом о ссыльных» (ред. 1822 г.) и их положение ничем не отличалось от других.

Положение ссыльных и каторжан из числа поляков после 1830 г. зависело не только от меры наказания, но и прежнего социального статуса. Необходимо отметить, что почти 2/3 сосланных за политические преступления, по данным Максимова, принадлежали к числу дворян (Максимов 1900, 342). Так, например, немногочисленная группа участников восстания была выслана в Сибирь на поселение сроком на 5 и более лет, но без лишения сословного статуса и конфискации имущества. По истечении срока поселения они имели возможность поселиться в губерниях Европейской России. Эта мера затронула, в первую очередь, знатное шляхетство.

Более многочисленной была другая категория сосланных. В нее входили поселенцы, ранее принадлежавшие к различным сословиям (шляхетству, мещанству, крестьянству), но лишённые состояния и приговоренные к конфискации имущества. По своему статусу данная категория была наиболее ущемленной в правах, а положение этой группы поселенцев было наиболее тяжелым в Западной Сибири, где, по данным Максимова, «им не позволяли, по силе закона, выезжать за предел 10 верст от деревни или города, в которых указано их водворить» (Там же). Но бывшие шляхтичи оказались в этой массе в более привилегированном положении, что отразилось в получении ими от правительства денежных сумм в размере 57 руб. ежегодно, а старики и калеки могли рассчитывать на сумму в 114 руб./год (Там же). Правда, получить причитающиеся им деньги поляки могли с большим трудом. Постоянная зависимость от благосклонности губернских властей, в воле которых было выплатить пособие или нет, нивелировало их условное превосходство над бывшими мещанами и крестьянами, которые таковых пособий не были удостоены.

«Устав о ссыльных» в его многочисленных редакциях подробно регламентировал положение данной категории ссыльных. Так, предписывалось водворять поселенцев в селениях старожилов либо во вновь образованных казенных поселениях (ст. 673) (Устав о ссыльных). В более выгодном положении оказывались те из сосланных, которые были распределены в старожильческие селения. Старожилы имели право взять такого поселенца на жительство, получая за него в течение четырех месяцев полпалаката арестантского содержания (ст. 677). Размер так называемой

арестантской дачи (денежное содержание арестанта в сутки) ежегодно пересматривался Министерством финансов (Кононова), а потому не был фиксированным.

Администрация была заинтересована в прикреплении поселенцев к новому месту жительства любой ценой. Так, поселянам, вступившим в брак, полагалось выплатить в случае женитьбы на ссыльной 15 руб. серебром на домообзаводство безвозмездно и такую же сумму в виде ссуды на общих основаниях (ст. 766). Женщины же свободного состояния в случае брака с ссыльным получали поощрение в сумме 50 руб. серебром.

Срок пребывания в разряде поселенцев был определен в 10 лет (ст. 682). Лишенные права состояния и сосланные в административном порядке получали возможность по отбывании определенного срока причислиться в разряд государственных крестьян. Однако возвращение на прежнее место жительства в Европейскую Россию бывшим поселянам был запрещен. «Устав о ссыльных» (изд. 1857 г.) определил, что лица, вышедшие из разряда ссыльнопоселенцев, «имеют свободу водвориться, где пожелают, по всем Сибирским губерниям и областям, кроме так называемой Сибирской линии и областей Семипалатинской и Сибирских киргизов, как в городах, так и в селениях, с ведома и разрешения местного начальства» (ст. 728).

Истечение срока пребывания в разряде поселенцев не приводило к автоматической смене гражданско-правового статуса. В разделе «О содержании ссыльных в местах назначения» «Устава о ссыльных» была прописана норма обязательной приписки к какому-либо из крестьянских обществ. Иначе и быть не могло, т.к. освобожденный вновь переходил в податное состояние и обязан был платить как общегосударственные, так и местные подати и повинности в полном объеме. Для включения в разряд государственных крестьян необходимо было получить письменное согласие на то конкретного крестьянского общества (ст. 734). В дальнейшем приемный приговор фиксировался у местного начальства и передавался в губернскую Казенную палату для включения новоявленного общинника в расклад податей. Но и за сам приемный приговор кандидат должен был заплатить значительную сумму. Некоторые сибирские историки отмечали «дороговизну приемных приговоров» (Соловьева 1981, 72).

Кроме того, для отбывших ссылку, но не получивших право вернуться на прежнее место жительства, была открыта возможность записаться в мещанство либо заниматься торговой деятельностью. Правда, разрешение на причисление в эти сословия зависело от благосклонности местных властей: в течение 10 лет поселенцы должны были «не нарушать ничем благонамеренности, не провиниться перед начальством» (Устав о ссыльных).

Исключение вчерашних шляхтичей, мещан, крестьян из своих сословий изменило их фискальные отношения с государством. По прибытии в Сибирь и водворении на новом месте жительства на них распространялись особые налоговые положения. Так, в первое трехлетие они были освобождены от уплаты всех податей, а в последующие семь лет они должны были уплачивать половинный оклад подушных и оброчных денег. Правда, местные земские и волостные подати на них не возлагались. Другой особенностью налоговой политики в отношении поселян было взимание с них ежегодно 15 коп. серебром в так называемый экономический капитал ссыльных, средства из которого направлялись на содержание старых и увечных ссыльных (ст. 751).

В феврале 1838 г. сибирские власти приступили к наделению ссыльных поляков 15-десятинными земельными наделами. Основанием для этого стало распоряжение, последовавшее от графа А. Х. Бенкендорфа генерал-губернатору Западной Сибири П. Д. Горчакову. В соответствии с этим, «последовавшее в 1835 году Высочайшее повеление об отводе поселенным в Сибири государственным преступникам... пахатной земли близ мест их жительства» следовало распространить и на «поселенных польских мятежников» (Дело по предписанию Тобольского общего губернского управления об отводе земель государственным преступникам и польским мятежникам. Список польских мятежников, поселенных в Тобольской губернии в 1832 г., л. 1).

Ответственность за проводимые мероприятия была возложена Горчаковым на Тобольскую Казенную Палату. Последняя обратилась с запросом в Тобольскую экспедицию о ссыльных с просьбой представить данные о поселенных в губернии поляках. В июне 1838 г. в Хозяйственное отделение Тобольской Казенной Палаты поступил «именной список о всех польских мятежниках, поселенных в Тобольской губернии с 1832 года» (там же, лл. 5–5 об.).

Для чего властям необходимо было реализовать этот проект? Ответ на это можно найти во внутренних документах, которые дублировали петербургские циркуляры. Так, в записке Хозяйственного отделения Тобольской Казенной Палаты было указано, что это необходимо для того, «дабы предоставить им через обрабатывание оной средства к удовлетворению нужд хозяйственных или облегчению будущей судьбы детей их прижитых в Сибири» (там же, л. 14 об.).

Наделение земель должно было прикрепить государственных преступников к Сибири. Надо сказать, что эта идея нашла поддержку у самих польских поселенцев. Так, в Тобольскую Казенную Палату поступил рапорт Курганского Земского Суда, в котором сообщалось о просьбе поляков-поселенцев Смолинской волости наделить их земель

в одном месте (там же, л. 18–18 об.). В дальнейшем эта просьба была удовлетворена. Надо сказать, что полякам достался земельный участок, который ранее был выделен сосланным декабристам Розену, Лореру, Бриггену и Назимову, которые к тому моменту выбыли из Курганского округа (Там же). Так незамысловато возникала в сибирских регионах преемственность между различными группами политических ссыльных разных времен.

Что касается потомства сосланных в Сибирь, то детей ссыльно-поселенцев, рожденных до осуждения родителя, следовало оставлять в прежнем гражданском состоянии (ст. 767) (Устав о ссыльных). Тех же детей, которые были прижиты на поселении местные власти должны были записывать в ревизию (ст. 767), а детей каторжных – в крестьяне в ближайших от мест каторжных работ волостях (ст. 768) (там же).

В 1840-х – 1850-х гг. власти продолжают направлять в Западную Сибирь польских ссыльных. Как правило, это были члены тайных обществ или молодые люди, принимавшие участие в антиправительственных выступлениях. Например, в 1857 г. в Тобольскую губернию оказались сосланными за организацию крестьянского бунта в Киевской губернии бывшие дворяне студент Киевского университета Св. Владимира Иосиф Розенталь и Антоний Сковронский (Отношение начальника Казанской губернии с препровождением политпреступников Иосифа Розенталь и Антона Сковронского, лл. 1–3). Первоначальный приговор к 6,5 годам каторжных работ в крепостях был заменен им на поселение в отдаленных местностях сибирских губерний. И это был не единичный случай.

Уже к концу 1830-х гг. поляки были рассеяны по всей Сибири. Среди них оказались не только ссыльные, но и те, кто перебрался за Урал по долгу службы. Это были пока еще немногочисленные военные. Немало ссыльных находилось в Тобольске. Здесь же присутствовали и чиновники-поляки. Ссыльный Ю. Ручинский в своих мемуарах, например, упоминает чиновников особых поручений при генерал-губернаторе Западной Сибири князе Горчакове Кузьминского и небезызвестного А.Ф. Козелло-Поклевского (Поклевского-Козелл) (в тексте он упоминает его как Кожелло-Пахлевского) (Ручинский 2009, 330). Последний с 1834 г. занимал различные должности в Томском губернском правлении, а с 1836 г. состоял в штате генерал-губернатора Западной Сибири. Поляками были офицеры сибирского этапа, лавочники, ремесленники. Сосланные в Восточную Сибирь оказались в Нерчинских заводах и служили солдатами в местном батальоне и инвалидной роте, некоторые были определены в каторжные работы. «Разнородная среда польских ссыльных определила их дальнейшую судьбу. Так, некоторые переженились на местных девушках и навсегда стали сибиряками; других нужда заставила

пойти в батраки к крестьянам; немногочисленным ремесленникам было легче, т.к. их продукция находила сбыт на местном рынке» (там же, 385). Это замечание современника свидетельствует о трансформации национальной идентичности, т.к. некоторые ссыльные предпочли влиться в сибирский социум, приняв нормы и законы его существования. Но в то же время оставалась часть польских ссыльных, которые не оставляли надежды вернуться на Родину, а потому стремились сохранить отдельные элементы национальной и религиозной польской жизни.

Делопроизводственная документация, отложившаяся в архивных фондах Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург), позволяет определить динамику численности польского населения в 50–60-е гг. XIX в. по общему количеству католиков в крае (Сведения о количестве римско-католиков, ламаистов и идолопоклонников и их духовенства в Сибири, а так же церквей и молелен их же, л. 1). Так, по данным Второго Сибирского комитета, на 1852 г. в городах Западной и Восточной Сибири (без Тобольска) проживало ок. 6250 католиков, которые имели 2 приходские церкви в Иркутске и Томске. При этом самая крупная католическая община была приписана к томскому приходу (2,4 тыс. чел.) (Там же). Разумеется, это приблизительные сведения, включавшие в себя как ссыльных, так и свободное население.

Говоря о столь значительном числе поляков в Сибири, мы сталкиваемся с вопросом об их хозяйственной жизни и деятельности. К сожалению, источников по этому вопросу очень мало. Это было связано с тем, что в соответствии с действовавшим законодательством «осужденные к ссылке в каторжную работу или на поселение, как лишенные всех прав состояния, не могли приобретать никакого недвижимого имущества в собственность» (Устав о ссыльных). Правда, это не ограничивало их в праве владения имуществом. Но в этом случае акты на покупку земли и домов совершались на имя Экспедиции о ссыльных (ст. 774–775). Включенность польских ссыльных в экономическую жизнь Сибири объясняется и тем, что недвижимость могла оформляться на жен, которые сохраняли свое свободное состояние в случае следования на мужьями в ссылку. В иных случаях предприятия могли быть оформлены на сибирских промышленников, которые выступали в качестве своеобразной ширмы. Как бы то ни было, немногочисленные источники позволяют нам осуществить реконструкцию этого явления.

О жизни бывших конфедератов и ссыльных второй четверти XIX в. в сибирской ссылке сохранились лишь косвенные свидетельства. Так, С.В. Максимов писал в своей работе о том, что потомки барских конфедератов были рассеяны по всей Сибири. В Западной Сибири около Семипалатинска находились две деревни, образованные последними

(Максимов 1900, 337). Волостной голова Пановский в Тарском уезде Тобольской губернии имел дедом конфедерата, в самой Таре у торгующих мещан братьев Грабианских был поляком отец; в казаках Западной Сибири: Костылецкие, Яновские, Хлыновские и др. (там же).

Оказавшись в Сибири, ссыльные старались устроить свой быт, найти источники для существования. Это им вполне удалось. Высокий образовательный уровень польских поселенцев позволил им включиться в качестве вспомогательного персонала в производственную и торговую деятельность. Корпоративность способствовала устройству их в качестве писцов в заводских конторах и волостных правлениях. Некоторым в 1840-е гг. удалось получить разрешение поступить на государственную службу. Правда, в этом случае поляки занимали низшие канцелярские должности. Так, например, ссыльный 1832 г. Павел Цеплинский исполнял в 1844 г. должность канцеляриста, о чем сообщалось в бумагах Омского полицмейстера (Книга для записи прихода и расхода суммы, следующей государственным преступникам, л. 3). Друг Адама Мицкевича Адольф Янушкеич в то же время числился канцеляристом Канцелярии пограничного начальника в г. Омске (там же, л. 17). Прав был С.В. Максимов, который писал в конце XIX в., что «там, где удавалось укрепиться одному, находилась возможность к обеспечению другого поляка» (Максимов 1900, 347).

Выше мы уже писали о землеустроительной кампании конца 1830-х гг., которая охватила сибирские губернии. Правда, размах ее был незначительным. В Тобольской губернии, например, по именному списку местной Экспедиции о ссыльных земельный надел полагался 41 поляку-мятежнику (Дело по предписанию Тобольского общего губернского управления об отводе земель государственным преступникам и польским мятежникам. Список польских мятежников, поселенных в Тобольской губернии в 1832 г., л. 5). Анализ списка приводит к выводу, что из общего количества только 17 человек в течение 1832–1838 гг. не меняли места жительства с момента прибытия в Тобольскую губернию (там же, лл. 6–10). Постоянная смена места жительства приводила к обнищанию ссыльных. Полученные от Казны земельные наделы становились для них потенциальным источником дохода, т.к. землеустройство велось вблизи населенных пунктов, к которым они были приписаны. Так, например, поляки вполне могли сдавать в аренду эти земли старожилам под выпас или сенокос.

Большой популярностью в среде сибирских промышленников пользовались поляки-техники, способствовавшие внедрению различных технических новшеств. Невольно они оказались включенными в процесс становления и развития различных отраслей обрабатывающей

промышленности. Так, поляки обратили внимание на продукцию кедрового промысла, широко распространенную в Западной и Восточной Сибири.

Более успешно дело по производству кедрового масла пошло у поляка Михала Морачевского. Сам он до ссылки в Сибирь в 1831 г. был поручиком Аренбургского батальона внутренней охраны. Оказавшись в Ишиме, он вскоре женился на богатой вдове (Филь). Полученный в приданое капитал, вероятно, и был направлен на устройство маслобойни. Продукция его маслобойни попала в Москву и вызвала большой интерес местных торговцев (Максимов 1900, 347). В 1859 г. Морачевский с семьей покинул Сибирь, его предприятие прекратило деятельность.

Производство кедрового масла и его продажа в Европейскую Россию дало полякам Западной Сибири хороший доход. О размахе промысла свидетельствует тот факт, что на маслобойне поляка Савичевского в деревне Шембелик Иркутской губернии было произведено масла в 1859 г. на 12 тыс. руб. (там же, 348).

Спрос на подобный товар в России был громадный, т.к. это масло добавлялось в оливковое (деревянное), которое использовалось в лампадах в церквях и домах православного населения. До этого момента оливковое масло разбавляли суррогатным (в основном сурепным), но сибирское кедровое масло оказалось более подходящим по своим качествам.

Поляки основали в Сибири сыроварни, мыловарни, занимались производством свечей и сигар из монгольского и нерчинского табака. Свой вклад они внесли в развитие пчеловодства и коневодства. Занятие земледельческими и ремесленными промыслами позволило им обеспечить безбедное существование своим семьям. Правда, предприятия эти редко переживали своих основателей. Это было связано с позицией, занятой поляками. Для большинства из них производство того или иного товара нечасто носило рыночный характер, а должно было обеспечить привычный образ жизни. Поэтому продукция расходилась преимущественно в кругу выходцев из западных губерний.

Основная масса польских ссыльных начала 1830-х гг., особенно старики, записанные по возрасту на основании «Уставу о ссыльных» в неспособные, испытывали финансовые трудности и жили за счет помощи близких. Например, упоминавшийся выше декабрист Лорер, отбывавший во второй половине 1830-х гг. ссылку в г. Кургане, в своих воспоминаниях писал о ссыльном князе Кириане Воронецком, проживавшем там же, которого он именовал «бедняком, достойным жалости» (Лорер 1984, 172). Для других же источником существования становилась финансовая помощь родных, оставшихся на Родине. Так, в архивных фондах сохранились расписки польских ссыльных, которым через полицию переда-

вались присылаемые денежные средства и посылки (Книга для записи прихода и расхода суммы, следующей государственным преступникам).

Не имея возможности устроиться в Сибири, они незамедлительно пользовались правом вернуться на Родину.

Потомки же барских конфедератов и костюшковцев оказались более успешными. Они были вполне зажиточными и уважаемыми. Некоторые из них, как мы видим, служили выборными, другие смогли попасть в разряд чиновников. Столь комфортное существование ссыльных и их потомков не способствовало распространению в их среде тотального устремления на Родину. Поэтому, как считает С.В. Максимов, «указ Павла на значительное число ссыльных не произвел никаких впечатлений» (Максимов 1900, 339). Подобная ситуация повторилась в середине 1810-х гг., когда в Сибирь пришло известие о разрешении полякам-военнопленным, служившим в армии Наполеона, вернуться на Родину: «из 900 человек, служивших в кавалерии и поступивших в сибирские казаки [...] остались добровольно навсегда в казаках 160 человек» (там же).

Оставшиеся в Сибири поляки, оказались связанными с новым местом жительства и семейными узами, т.к. многие из них женились на сибирячках. Их потомки уже в первом поколении плохо владели польским языком, некоторые же и вовсе не умели говорить по-польски, считая себя коренными сибиряками. Таким образом, возникшая в конце XVIII – начале XIX вв. полония оказалась в Западной Сибири ассимилированной.

Таким образом, в течение первой половины XIX в. в Западной Сибири шел процесс формирования польской общины. Главным источником ее пополнения являлась ссылка участников антиправительственных выступлений и военнопленные. По своему социальному составу сибирские поляки до ссылки были преимущественно дворянами, но лишённые личных и потомственных прав и привилегий они оказались в результате причисленными к категории государственных крестьян. Этот статус за ссыльными в николаевское время власти стремились закрепить наделением их земельными наделами, но земледелие не стало основным источником существования поселенцев. Используя свои личные качества и относительно лояльное отношение сибирской администрации, многие в дальнейшем получили право поступить на государственную службу, другие жили за счет тех денежных средств, которые получали от родственников или государства.

Амнистия первых лет правления Александра II привела к тому, что ссыльные были восстановлены в своих прежних правах и получили возможность вернуться на Родину. Это привело к значительному оттоку поляков из Западной Сибири, но уже десятилетие спустя сибирская полония резко возрастет за счет новых ссыльных участников восстания 1863 г.

Библиография

- Дело по предписанию Тобольского общего губернского управления об отводе земель государственным преступникам и польским мятежникам. Список польских мятежников, поселенных в Тобольской губернии в 1832 г. В: Государственное учреждение Тюменской области Государственный архив Тобольска (далее ГУТО ГАТ). Ф. 154. Оп. 20. Д. 65.
- Дело по распоряжению генерал-прокурора князя Алексея Борисовича Куракина об освобождении находящегося в Таре ссыльного из поляков Иосифа Тераевича. В: ГУТО ГАТ. Ф. 329. Оп. 13. Д. 14.
- Книга для записи прихода и расхода суммы, следующей государственным преступникам. В: ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 1 ОЦ. Д. 25.
- Кононова Л. П. Участники польского восстания 1863–1864 гг. в архангельской ссылке. В: <http://do.gendocs.ru/docs/index-316193.html> (Электронный ресурс. Режим доступа 22.03.2013 г.).
- Лорер Н. И. (1984). Записки декабриста. Иркутск.
— (1988). Записки моего времени. Воспоминание о прошлом. В: Мемуары декабристов. Москва.
- Максимов С. В. (1900). Сибирь и каторга. Санкт-Петербург.
- О бунте, произошедшем в трех уездах Виленской губернии и о суждении всех дворян или шляхты, принявших участие в сем бунте, военным судом по Полевому Уголовному Уложению. В: Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ РИ). Изд. II, 6/4444.
- Об освобождении подпавших под наказание, заточение и ссылку, по случаю бывших в Польше замешательств. В: ПСЗ РИ. 24/17585.
- Отношение начальника Казанской губернии с препровождением политпреступников Иосифа Розенталь и Антона Скворонского. В: ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 35. Д. 58.
- Договор о перемирии на 13 лет и 6 месяцев между Государствами Российским и Польским. В: ПСЗ РИ. 1/398.
- Ручинский Ю. (2009). Конарщик: Воспоминания из Сибири. В: Мемуары, очерки, дневниковые записи польских ссыльных в Восточную Сибирь первой половины XIX столетия. Иркутск. 325–476.
- Самович А. Л. (2011). Проблема польских военнопленных и пути ее решения в 1831 г. В: Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, 2/3, 161–164.
- Сведения о количестве римско-католиков, ламаистов и идолопоклонников и их духовенства в Сибири, а так же церквей и молелен их же. В: Российский государственный исторический архив. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 44.
- Соловьева Е.И. (1981). Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период. Новосибирск.
- Устав о ссыльных (1857), Свод законов Российской империи. Т. XIV. Санкт-Петербург.
- Фельдман Д. З. (2005). К истории появления крещеных евреев в Московском государстве XVII в. В: Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 4 (22).
- Филь С. Г. Поляки в ишимской ссылке: первая половина XIX в. В: <http://a-pesni.org/polsk/a-ichim19.htm> (режим доступа 20.03.2013 г.).
- Шостакович Б. С. (2009). Конарщик Юстысьян Ручинский и его воспоминания о сибирской ссылке. В: Воспоминания из Сибири: Мемуары, очерки, дневниковые записи польских ссыльных в Восточную Сибирь первой половины XIX столетия. Иркутск, 301–324.